Не может не вызывать удивления и аннотация к плану дома на стр. 357 (иллюстрация к статье К. Л. Задыхиной). Здесь изображены линии, условно показывающие разрез здания в определенных направлениях; линии эти обозначены буквами *А* — *А*, *Б* — *Б*, *В* — *В*. В аннотации же к рисунку читаем: «*А* — главная балка, *Б* — поперечная балка, *В* — камыш и обмазка». Все это остается загадкой для читателя, равно как и местные названия помещений, перечисленных в аннотации и не приведенных в тексте статьи. Рисунки на стр. 264 сл. (к статье М. В. Сазоновой), изображающие южноузбекскую резьбу по дереву, вместо размеров снабжены отрезками линий, разбитых на части короткими вертикальными черточками, без признака цифр, что никак нельзя принять за масштаб.

Книга охватывает деятельность Хорезмской экспедиции периода 1945—1948 гг. С тех пор прошло четыре полевых сезона. Советский читатель вправе ждать новых сведений об успехах коллектива Хорезмской археолого-этнографической экспедиции.

*Н. М. Бачинский и С. Г. Хмельницкий*

*Т. С. КАУХЧИШВИЛИ, Греческие надписи Грузии*, Тбилиси, 1951, 08+LII+378 стр.; тираж 1000 экз., цена 14 р. 75 к. (на груз. языке).

Автор книги Т. С. Каухчишвили взяла на себя по поручению АН Груз. ССР большой труд: составить и подготовить к печати полное собрание греческих надписей, найденных на территории Грузии. Т. С. Каухчишвили поставила перед собой задачу включить в это собрание как ранее изданные надписи, так и новые, еще не опубликованные, а равным образом провести их всестороннее исследование с точки зрения исторической, палеографической и лингвистической (стр. 07).

В книге опубликовано свыше 1000 надписей, датируемых временем с I по XIX в. Надписи вырезаны на камне (лапидарные) или выполнены в различной технике на всевозможных предметах (предметах христианского культа, бытовых вещах, украшениях), или же, наконец, сделаны на церковных фресковых росписях. Книга содержит краткое предисловие, излагающее задачу издания и историю работы над ним (стр. 07—08), введение (стр. I—LII), публикацию памятников (стр. 1—363), указатель собственных имен (личных, географических, как древних, так и современных, стр. 364—376) и список замеченных опечаток (стр. 377—378).

Во введении дается определение эпиграфики, как научной дисциплины, краткий очерк истории эпиграфических публикаций в западноевропейских странах и в России; более подробно освещается история публикаций греческих надписей, относящихся к истории Грузии, но не включенных в сборник. Затем дана подробная характеристика отдельных групп надписей в сборнике; в заключение автор излагает свой принцип классификации этих надписей. В тексте книги надписи расположены по географическому принципу по отдельным районам Грузии: Абхазия, Сванетия, Мегрелия, Гурия, Имеретия, Рача, Карталиния, Месхетия, Кахетия. В книге помещены факсимиле всех сохранившихся надписей с целью дать отчетливое представление о характере письма.

Выход в свет свода греческих эпиграфических документов, найденных на территории Грузии, безусловно будет с удовлетворением встречен всей нашей научной общественностью. Автором проделана большая и нужная работа. Ценность издания заключается прежде всего в полноте охвата материала, в тщательной и скрупулезной работе по собиранию всех литературных сведений о надписях и, что особенно следует подчеркнуть, в сверке текста всех сохранившихся до наших дней памятников с оригиналом. Стоит также отметить стремление к тщательному соблюдению принципа научного издания документов — публикации факсимиле и подробное всестороннее комментирование греческих текстов. Труд Т. С. Каухчишвили долгое время будет служить настольной книгой для всех историков, филологов и археологов, которым

нужно будет обратиться к материалам греческих надписей, найденных в Грузии. Но именно это обстоятельство налагает на автора данной книги особенно большую ответственность. В этой связи мы позволим себе поделиться соображениями о том, насколько данное издание удовлетворяет тем высоким требованиям, которые должны быть предъявлены к нему, как к научной публикации источников. Поскольку большинство надписей относится к Средневековью и более позднему времени — до XIX в. включительно,—задача данной рецензии ограничивается оценкой публикации античных надписей, а также некоторыми соображениями, относящимися к сборнику в целом.

Остановимся прежде всего на очерке истории эпиграфических публикаций. В книге сначала дан сжатый обзор изданий греческих античных надписей, начиная с А. Бёка вплоть до начала XX в.; обзор изданий греческих средневековых надписей доводится до конца первой половины XX в.; здесь же названы некоторые общие труды по эпиграфике. Указав затем, что работы по греческой эпиграфике велись и в самой Греции, Т. С. Каухчишвили переходит к обзору эпиграфических изданий в России. Она ограничивается краткой констатацией того, что и «в самой России во второй половине XIX в. постепенно формируются археологические общества» в связи с производившимися археологическими раскопками в Северном Причерноморье. В связи с публикациями греческих надписей из района раскопок упоминается В. В. Латышев и его издания надписей: IOSPE и два сборника христианских надписей[1]. Упомянув затем о книге Н. И. Новосадского «Греческая эпиграфика», Т. С. Каухчишвили переходит к обзору изданий греческих надписей Грузии. Здесь дан обзор сочинений иностранных путешественников и грузинских ученых, обстоятельно критически разобран труд И. В. Помяловского[2] и перечислены работы советских ученых, издававших греческие надписи Грузии,— А. И. Амиранашвили и С. Г. Каухчишвили.

При чтении отдельных частей этого обзора, предназначенного, повидимому, для широкого круга читателей-неэпиграфистов, возникает ряд недоуменных вопросов. Непонятно, почему обзор иностранных изданий античных надписей обрывается на рубеже XIX—XX вв., почему обзор эпиграфических работ за рубежом дан без всякой увязки с задачами и основными этапами развития западноевропейской историографии? Ведь без этого невозможно правильно оценить значение и место западноевропейских эпиграфических изданий в истории науки. Между тем в течение первой половины XX в. за рубежом выпущено немало крупных эпиграфических публикаций не только в «Bulletin de correspondance hellénique», как утверждает автор, но и в специальных изданиях (например, издания надписей Пергама, Милета, Приены, MAMA и др.), а также в различных журналах и других изданиях.

Что касается развития эпиграфики в России, то, поскольку автор ставит своей задачей ознакомление широких кругов историков с развитием эпиграфики в России (иначе не было бы смысла повторять общеизвестный факт, что В. В. Латышев был замечательным русским эпиграфистом и издателем IOSPE), ему следовало дать более правильные и объективные сведения о том, что фиксация греческих надписей в России была начата русскими учеными еще в конце XVIII в. и в самом начале XIX в.[3] Первые издания надписей и исследования о них русских ученых относятся к первым годам прошлого века, а в первой половине столетия в России было уже издано немало ценных эпиграфических памятников. С начала XIX в. стали создаваться первые музеи, где хранились и изучались надписи: в 1806 г.— в Николаеве, в 1811 г.— в Феодосии, в 1825 г.— в Одессе, в 1826 г.— в Керчи. Совершенно неправильно поэтому в развитии эпиграфики в России приписывать особое значение Русскому археологическому

---

[1] В. В. Латышев, Сборник греческих надписей христианских времен из Юга России, 1896; он же, К истории христианства на Кавказе. Греческие надписи Ново-Афонского монастыря, 1911.

[2] «Сборник греческих и латинских надписей Кавказа», 1881.

[3] Академики Паллас, Келер, Кеппен, а также государственные чиновники Сумароков, Стемпковский и др.

институту в Константинополе, созданному в 1895 г. К этому времени русские ученые прошли уже долгий и славный путь в деле изучения греческих надписей и насчитывали в своих рядах крупных представителей этой науки; предшественниками В. В. Латышева были Леонтьев, Стефани, Помяловский. Да и сам В. В. Латышев выпустил I и II томы IOSPE еще до основания Константинопольского института. Следовало также отметить, что русские эпиграфисты занимались не только публикациями неизданных надписей, найденных в России, но посвящали свои исследования и надписям из Греции, Малой Азии и других мест (Соколов, Лепер, Никитский, Щукарев, Жебелев).

Не может не вызвать возражения и то, что трудам русских эпиграфистов отведено место после зарубежных ученых. И если следует упомянуть «Bulletin de correspondance hellénique» и его роль в развитии эпиграфики на Западе, то более чем странно не упомянуть хотя бы «Известия археологической комиссии» и «Записки Одесского общества истории и древностей», сыгравшие не малую роль в развитии эпиграфики в России, и имена многочисленных русских продолжателей и последователей В. В. Латышева. Вряд ли можно считать уместным, что для оценки труда И. В. Помяловского Т. С. Каухчишвили пользуется цитатой из рецензии в «Berliner philologische Wochenschrift». Для советского читателя оценка эта мало интересна, тем более что о труде И. В. Помяловского высказались такие крупные отечественные авторитеты, как В. В. Латышев и Н. И. Новосадский, мнение которых Т. С. Каухчишвили все же ставит на второе место после немецкого рецензента.

Следовало бы также отметить и коренную разницу задач русских и зарубежных ученых, публиковавших надписи: Бёк, издавая свой Corpus Inscriptionum Graecarum, видел в этом материале оружие борьбы «против утопий социализма»[1], в то время как Русское археологическое общество поставило задачу издания свода античных надписей Северного Причерноморья, как источника для освещения исторического прошлого древнейших обитателей нашей родной страны и их вклада в историю[2]. Равным образом и деятельность современных эпиграфистов капиталистических стран неразрывно связана с работой организаций, ведущих археологические разведки и раскопки в колониальных и полуколониальных странах Средиземноморского бассейна и использующих эти работы в политических целях, занимаясь обогащением своих музеев, подавлением местной науки и культуры. Общие работы большинства западноевропейских и американских эпиграфистов в более или менее завуалированной форме служат целям апологии военных грабежей и идеализации империалистических колонизаторов. Все это следовало упомянуть Т. С. Каухчишвили в ее историографическом очерке, тем более что ее собственное издание ставит перед собой благородную цель — публикацию источников для освещения прошлого ее родной страны.

В свете этой задачи следует сказать несколько слов и о подборе материала, включенного в сборник. Вряд ли было правильно ограничиваться изданием только греческих надписей, оставив в стороне латинские. Латинских надписей на территории Грузии найдено ничтожно мало в сравнении с греческими. В сборнике И. В. Помяловского их издано всего три (№№ 79, 80, 85); кроме того сохранилось еще упоминание об одной латинской надписи (№ 60). В силу этого латинским надписям не может быть посвящен особый сборник, и, таким образом, они остаются вне поля зрения широкого круга специалистов. С другой стороны, включение латинских надписей дало бы основание включить в рецензируемое издание известную сухумскую надпись, приписываемую Флавию Арриану[3], представляющую ценный документ для древней истории Грузии, и притом единственную античную лапидарную надпись из Западной Грузии. Напрасно также не была включена в сборник надпись на серебряной чаше из кургана

---

[1] A. Boeckh, Encyclopädie und Methodologie der philologischen Wissenschaften, 1886, стр. 29.

[2] Н. И. Веселовский, История Русского археологического общества, СПб., 1900, стр. 132.

[3] См. ЗООИД, XXVIII, протокол за 1905 г., стр. 4—6.

№ 1 близ Зубовского хутора[1], упоминающая Аполлона-Водителя в Фасисе. По общему мнению исследователей, разделяемому и Т. С. Каухчишвили, эта надпись была вырезана в Фасисе, следовательно, возникла на почве Грузии и является, таким образом, древнейшим эпиграфическим документом Колхиды. Место ее хранения — Ленинград (Эрмитаж) не имеет никакого отношения к принципу научной классификации памятников и потому не может служить основанием для исключения важного документа из публикации эпиграфических источников о Грузии. Что же касается соображений автора об изготовлении чаши греческим или местным мастером (стр. XII), то без тщательного археологического изучения самого сосуда рассуждения на эту тему остаются совершенно беспочвенными. Если сосуды подобной формы были найдены и в Грузии, то издатель чаши Думберг приводит близкие аналогии для этого памятника и из Темрюкского района.

С другой стороны, ничего, кроме недоумения, не может вызвать включение в сборник надписей №№ 2—8 (стр. 240—249). Из них № 2 найден в деревне Беюк-Дегне в б. Нухинском уезде, в современной Азербайджанской ССР, №№ 3, 4 и 5 — в г. Анапе (на месте древней Горгиппии); №№ 7 и 8 доставлены из Кубанской области; таким образом, эти памятники ни по своему происхождению, ни по содержанию не имеют никакого отношения к задаче сборника. Случайный факт — хранение их в фондах Гос. музея Грузии в Тбилиси — не дает никаких оснований включать их в сборник, имеющий целью публикацию греческих надписей, найденных на территории Грузии.

Безусловно неправильное включение в данный сборник упомянутых надписей следует объяснить нарушением научного принципа распределения эпиграфических памятников по географическому признаку: в основу распределения должно быть положено место находки, т. е. происхождение памятника, связь его с тем или иным древним населенным пунктом или районом, а не современное место хранения, что в научном смысле всегда является фактом случайным, никак не отражает их места и роли в исследовании того или иного вопроса истории и не может служить основанием для научной классификации. Общепринятым в научных изданиях больших сборников является разделение надписей по разделам, приуроченным к древним географическим пунктам, причем в одном и том же разделе могут быть помещены памятники, хранящиеся в музеях не только разных городов, но и разных стран. В указателях при этом обычно дается указатель современных мест хранения. Принцип этот последовательно и точно проведен В. В. Латышевым в его IOSPE, но им пренебрегла издательница рецензируемой книги. Правда, при специфическом характере публикуемого ею материала, где большое количество составляют надписи на фресках, место хранения памятника и современное его местонахождение неизбежно совпадают. Все же нет никаких оснований помещать в раздел «Тбилиси» памятники, найденные в Мцхета, Анапе, на Кубани и Азербайджане, только на том основании, что теперь они хранятся в Тбилиси. Всякий историк, пожелавший ознакомиться с памятниками древней столицы Грузии Мцхета и его ближайших окрестностей, не найдет в разделе «Мцхета» ничего кроме надписей средневековых храмов.

Примеры нарушения принципа географической классификации встречаются и в отношении памятников средневековых, которых мы в данной рецензии не касаемся; но все же нельзя не отметить, что надписи на галечных камнях в Потийском музее (стр. 88 сл.), представляющие собой грубые подделки XIX в. монахов Ново-Афонского монастыря, только засоряют издание, так как не имеют никакого научного значения и никак не связаны ни с историей Грузии, ни с грузинской культурой.

В книге опубликовано 14 надписей античного времени; все они внесены в раздел «Тбилиси» по месту их хранения в Гос. музее Грузии. Из них семь (№№ 1, 2, 3, 4, 5, 9, 10) вырезаны на каменных плитах; в том числе одна надпись (№ 1), строительная, одна — почетная (№ 3) и остальные пять надгробных. Пять надписей вырезано на камнях в золотых украшениях из раскопок Армазского некрополя, одна на серебряном блюде (оттуда же) и одна из Самтавро, на бронзовой медали.

[1] См. ИАК, вып. 1, 1901, стр. 94—103.

Прежде всего бросается в глаза крайне беспорядочное построение лемм. Леммы должны содержать: описание предмета, на котором помещена надпись, степень сохранности с точным указанием повреждений, размеры камня и высоту букв, список предшествующих изданий, обстоятельства находки и место хранения. В издании Т. С. Каухчишвили размеры камня и высота букв нигде не указаны, часто не указывается порода камня, например № 1 (стр. 234), № 9 (стр. 250), № 10 (стр. 254). Описание плиты либо отсутствует, либо дано в самой общей форме, так что нет возможности составить представление об общем виде камня. Так, о знаменитой строительной надписи Веспасиана (№ 1) говорится: «очень большой камень, на котором вырезана 17-строчная греческая надпись»; следовало указать, что это плита, украшенная выступающей рамой. Из описания № 3 не видно, что кусок мрамора представляет обломок постамента. В описании № 4 не указаны украшения плиты: скульптурная арка, розетки и срезы на углах внизу для установки в постамент. В лемме № 9 не указано, что стела сверху закруглена.

Неточно указаны повреждения. Так, нельзя понять, следует ли объяснить утраченные концы строк надписи № 1 (стр. 234—238) потерей части плиты или как разультат выветривания или смыва водой поверхности плиты. Не указаны точно обстоятельства и место находки: в лемме говорится только — «в 1867 г. близ Мцхета»; между тем точное указание места находки дает возможность установить связь с комплексом исторических памятников и более широко и точно использовать текст как исторический источник.

Но особенно тяжелое впечатление производит неряшливость в графическом воспроизведении надписей и в издании греческих текстов. Приведенные рисунки не дают представления о подлинном характере письма и его особенностях, а ведь именно эти особенности дают основание для выводов о датировке надписи. Так, например, на рис. 649 (к надписи № 1) А везде показана с прямой поперечной чертой вместо ломаной; О вместо круглого — овальное, не показаны apices; у А на камне нет пересечения наклонных, соединенных короткой горизонтальной чертой, что не отражено на рисунке; не показано, что у Δ правая наклонная выступает вверх над пересечением с левой наклонной; у Σ и М не показано, что ломаные линии в месте излома образуют пересечение наподобие крестика, не указапо, что у О, Е и Н горизонтальная черта—короткая.

В надписи № 2 (стр. 240, рис. 655) О и Е овальной, а не круглой формы; случайные черточки на камне прорисованы как части букв надписи, это относится, например, к горизонтальной черточке между Λ и I в первой строке. Аналогичные ошибки часто встречаются и в воспроизведении других надписей.

Все рисунки не являются прорисовками с эстампажа или с фотографии, а выполнены на глаз и потому не передают ни пропорций, ни размещения букв по отношению друг к другу. Кроме того, рисунки содержат ряд пропусков достаточно сохранившихся букв, видных не только на камне, но и на фотографиях 1951 г.; немало и просто грубых ошибок. Так, например, в надписи № 1 в конце строки 4-й на камне читается достаточно ясно ΑΥΤΟΚΡΑΤΩΡΤΟ, на рисунке указано только ΑΥΤΟΚΡΑΤΩ; в конце строки 9-й на рисунке пропущены сохранившиеся буквы ΑΠΟ; в конце строки 13-й на рисунке указано ΤΟ¯; на камне отчетливо видно ΤΟ$\overline{\Delta}$ΒΑΣΙΛΕΙ; в строке 14-й на рисунке написано BAS; на камне же читается ΒΑΣΙΛΕΩΣΦ. Конец строки 5-й надписи № 9 (стр. 250, рис. 675) передан на рисунке как ΠΟΙΗCΑΝΤΕC, на камне же ясно видно ΠΟΙΗCΑΝΤΟC. В надписи № 10 (стр. 254, рис. 678) последняя буква в строке 5-й Н, а не А. Число таких неточных, а иногда и прямо ошибочных воспроизведений можно было бы еще более увеличить, так как буквально ни одна из античных лапидарных надписей не издана удовлетворительно ни с точки зрения точности чтения, ни по графическому воспроизведению древнего текста. Приведенные дефекты графических воспроизведений надписей лишают рисунки значения научного документа, так как они только дезориентируют и вводят в заблуждение читателя. В этом смысле даже устаревший способ воспроизведения надписей с помощью условного типографского шрифта в IOSPE приносит бóльшую пользу, чем публикация совершенно недоброкачественных рисунков.

Вследствие этого нельзя считать удовлетворительным и палеографический анализ, так как издательница не заметила ряда важнейших палеографических особенностей и не справилась с чтением надписей по камню. Поэтому в ряде случаев неудовлетворительна и транскрипция надписей и дополнения лакун. Так, в надписи № 1 все лакуны помечены тремя точками, без учета действительного количества утраченных букв. В надписи № 3 (стр. 241, рис. 656) в строке 1-й издательница, забыв, что края строк утрачены, оставляет слово Φαρναρν без окончания; в строке 2-й в слове ἀνδιάν[τι] предложенное ею предположительно дополнение ἀνδριάντα невозможно по смыслу и конструкции фразы; предложенное ею же дополнение [μνή]μης χάριν уместно лишь в надгробных надписях, в то время как мы имеем дело с надписью почетной, подписью под статуей. По непонятной причине упущено, что утраченный конец строки 3-й и начало 4-й содержали обозначение года и название месяца; буква Γ в строке 4-й обозначала не год, а день месяца[1]. В надписи № 10 (стр. 254 слл.) в строках 14—15-й дополнение ἀπολ[ογ]ίαν невозможно, ибо для него нехватает места на камне; кроме того, в конце строки 14-й после Λ отчетливо видна вертикальная черта I; если же принять предложенное дополнение ἀπολ[ογ[ίαν, то придется предположить пропуск резчиком двух букв в слове. Предположение, что правая половина надписи № 5 (стр. 243 сл.) могла быть вырезана справа от рельефа так, что рельеф был высечен одновременно с надписью, совершенно отпадает при ознакомлении с камнем, так как на концах строк видны остатки уничтоженных углублением рельефа букв.

Большим достоинством издания является подробный, тщательный, очень ценный исторический и лингвистический комментарий к надписям, найденным в Мцхета, свидетельствующий о большой и углубленной работе автора в этой области. В отношении комментария к надписи № 1 можно высказать лишь следующие пожелания: следовало бы связать сообщение надписи с точной локализацией места ее находки и дополнить комментарий соображениями о назначении построенной стены. Предположение о том, что резчик был местным мастером и что стену строили местные каменщики, не может быть подкреплено никакими фактами, тем более что хорошо известна строительная деятельность римских воинских частей, оставивших соответственные эпиграфические документы в районах их размещения. Что касается местных резчиков надписи, то сам факт отсутствия греческих надписей этой эпохи на почве Грузии, поставленных от имени местных правителей, вряд ли говорит в пользу предположения Т. С. Каухчишвили. Слово υἱῷ в строке 15-й относится только к Амазаспу, так как по отношению к Митридату необходимость его исключается патронимиком.

Освещение некоторых спорных вопросов: о продолжительности правления Митридата, об отождествлении Амазаспа и Митридата Мцхетской надписи с лицами, поименованными в римской эпитафии Амазаспа, не входит в задачи данной рецензии и должно быть изучено в специальном исследовании, посвященном истории Иберии этого времени.

Важно было бы установить, в каких других надписях или литературных памятниках встречаются личные имена, упомянутые в надписях: Ζευάχης, Ἀσπαυρούκις, Δάδης, и попытаться осветить их этническую принадлежность. Что же касается надписей из Анапы и Нухи, то, если уж издательница включила их в сборник, она должна была дать комментарий к упомянутым там именам, сопоставив их с другими надписями из Горгиппии и других городов Северного Причерноморья.

Совершенно неудовлетворителен указатель. Прежде всего не следует соединять в одном указателе имена современных исследователей с именами из публикуемых греческих документов. Кроме того, надлежало дать отдельные указатели личных имен, географических и этнических названий, указатель терминов и указатели лингвистические. Вместо того, чтобы в общий указатель помещать имена ученых, издававших или комментировавших надписи, необходимо было к книге приложить библиографию использованной грузинской, русской и иностранной литературы. Все греческие имена и термины в указателях следовало дать по-гречески. Надписи надо было

[1] Ср. В. В, Латышев, IOSPE, II, № 399.

снабдить сквозной порядковой нумерацией, что в значительной степени облегчило бы пользование как самими документами, так и указателями, отсутствие которых в значительной степени обесценивает издание.

В заключение позволим себе выразить пожелание, чтобы данный сборник надписей был выпущен вторым изданием, свободным от тех серьезных дефектов, которые мы здесь отметили. Целесообразно также издать эту книгу и на русском языке, так как полное собрание греческих надписей Грузии, как древних, так и средневековых, выходит далеко за рамки интересов грузиноведов и было бы очень ценным собранием источников для всех историков древнего мира, филологов и византиноведов.

*А. Болтунова*

***ХОУ ВАЙ-ЛУ***, *История древнекитайского общества* (на китайском языке), Шанхай, Изд-во Саньляньшудянь, 1949, 337+5 стр.

Историками Китайской Народной Республики в последние годы создано много трудов, посвященных древнейшему периоду истории Китая. Для подавляющего большинства этих трудов, значительно расходящихся друг с другом по ряду крупных вопросов древнекитайской истории, характерны две черты: во-первых, стремление осветить историю древнего Китая с позиций марксизма; во-вторых, широкое привлечение текстов надписей на гадательных костях и на бронзовых сосудах, без сопоставления с которыми данные классических книг уже не признаются достоверными. Солидная основа исследования в сочетании со стремлением ответить на основные вопросы древнекитайского общества с позиций исторического материализма, широкий кругозор, позволяющий автору сравнивать процессы, происходившие в истории древнего Китая, с аналогичными явлениями из истории Греции и Рима — вот черты, характеризующие рецензируемую книгу проф. Хоу Вай-лу.

Хронологические рамки «Истории древнекитайского общества» — эпоха Чжоу (1122—247 гг. до н. э.) и период Цинь (246—207 гг. до н. э.). По мнению автора, в отличие от «варварства», закончившегося эпохой Инь, в начале эпохи Чжоу возникла древнекитайская «цивилизация». Конец периода Цинь означал, по мнению Хоу Вай-лу, завершение истории древнекитайского рабовладельческого общества.

Книга состоит из предисловия и 14 глав. В предисловии Хоу Вай-лу, отмечая, что в его книгу вошли исследования, печатавшиеся в предшествующие годы в специальных сборниках и периодических изданиях, коротко останавливается на своем методе работы и резюмирует основные выводы своих предшествующих исследований.

В первых двух главах: «Исследование закономерностей древнеазиатского общества» (стр. 1—30) и «Древнекитайское общество и азиатский способ производства» (стр. 31—75) автор излагает свои теоретические взгляды и останавливается на характеристике рабочей силы и средств производства в иньскую и чжоускую эпохи. Здесь же он доказывает тезис о возникновении классового общества в конце эпохи Инь и в начале Чжоу.

В следующих двух главах (стр. 75—112) автор путем тщательнейшего анализа надписей на костях и на бронзе, а также сведений, которые содержатся в древнекитайских классических книгах (в основном в Ши-цзине), устанавливает конкретный путь возникновения древнекитайской «цивилизации».

Две дальнейшие главы (стр. 113—169) посвящены проблемам, связанным с возникновением и развитием города-государства в эпоху Чжоу. Автор, анализируя термин «фэнцзянь» (жаловать должностью, поставить князем; лен, удел[1]; в современном

[1] Палладий и Попов, Китайско-русский словарь, Пекин, 1888, т. 2, стр. 288; Китайско-русский словарь под редакцией И. Ошанина, М., 1952, стр. 304,